

Ростовщик из «Портрета»

В статье делается предположение о возможном прототипе ростовщика в гоголевском «Портрете», образ которого рассматривается в контексте эволюции повести. Прототипом мог служить один из вождей греческого освободительного движения П. Метромихали. Однако после 1841 года Гоголь меняет мнение и делает своего персонажа менее конкретным.

The article presents a hypothetical prototype of a usurer in Gogol's "Portrait" in a context of the text's evolution. That prototype could be one of the Greek rebels' leader P. Mavromichalis. But after 1841 Gogol changed his mind and made his character less concrete.

Ключевые слова: прототип, Гоголь, «Портрет»

Составитель: Орехов Борис Валерьевич, Башкирский государственный университет им. М. Акмуллы, 450077, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а. Старший преподаватель, канд. филол. наук, адрес рассылки: 450077, г. Уфа, ул. Чернышевского, д. 101-А, кв. 12. nevmenandr@gmail.com

Доктор филологических наук, профессор Ромэн Гафанович Назиров (1934-2004) около сорока лет проработал в Башкирском государственном университете и за эти годы стал известен прежде всего как достоевсковед (он предпочитал именно такую, длинную, форму наименования своей дисциплины). До сих пор актуальна его вышедшая в начале 1980-х годов монография «Творческие принципы Ф. М. Достоевского», несмотря на малодоступность (сейчас эта проблема решается переизданием и выкладыванием текстов в Интернет) цитируются статьи – достаточно посмотреть на перечень рекомендуемой литературы в словаре-справочнике «Достоевский. Эстетика и поэтика» (Челябинск, 1997). Вторая большая тема, занимавшая Р. Г. Назирова – это история фольклорных мотивов и шире – история фабул, для описания которой в докторской диссертации он предложил специальную субдисциплину со своей методикой и аппаратом: сравнительную историю фабул. Эта сторона научного творчества Р. Г. Назирова менее известна специалистам и ещё ждёт своей оценки и осмысления. Дело в том, что диссертация «Традиции Пушкина и

Гоголя в русской прозе», защищённая в виде научного доклада примерно через 15 лет после завершения, так и не была опубликована.

Но после ухода учёного, когда стал доступен его архив, стало ясно, что не опубликовано в действительности гораздо больше. Невероятное количество разножанровых материалов (от статей до энциклопедий и летописей) разной степени готовности (от планов и набросков до беловых машинописей), каждый из которых как минимум вносит серьёзный вклад в область, а подчас и попросту сверкает научными прозрениями. Удивительно, но при жизни Р. Г. Назирова об этих разработках не знали даже ученики и ближайшие коллеги.

Сегодня у нас есть возможность ввести в научный оборот одну весьма ценную идею Р. Г. Назирова, сопряжённую с двумя важными для него областями интересов. Во-первых, Гоголь. Хотя самые известные и цитируемые работы учёного посвящены Достоевскому, именно Гоголь стал отправной точкой его главного (по собственному признанию, так он многократно назван в черновиках) труда, обретшего форму докторской диссертации. Во-вторых, прототипы. Несмотря на свой интерес к поэтике, к внутренней организации текста, к детальному разбору художественного приёма, заметную группу литературоведческих работ Р. Г. Назирова составляют совсем другого рода изыскания, вскрывающие связь образа и прототипа (статьи о прототипах кн. Мышкина и Ставрогина¹) или шире – биографического и культурного контекста (статья о сюжете «Ревизора»²). В чём идеологическое оправдание совместившихся в методологии Р. Г. Назирова различных, если не сказать противоположных, исследовательских подходов к художественному тексту, ещё предстоит разгадать.

Замысел не успел оформиться в законченную статью и представляет, очевидно, первое приближение к теме; он должен был быть расширен примерами, круг поиска которых уже очерчен автором, но и в таком своего рода концентрированном виде заметка имеет вполне конкретное содержательное наполнение, благодаря которому ставится и решается любопытная филологическая проблема. Как можно установить по имеющемуся в архиве перспективному плану публикаций, Р. Г. Назиров рассчитывал закончить работу над этим материалом к концу 1973 года (предполагавшийся объём должен был составить «5 или 6 машинописных страниц»), но по каким-то причинам отказался от своего замысла. Надо сказать, что многие не доведённые до конца интересные работы (в частности, большая монография, посвящённая роману «Бесы») приходятся именно на тот год.

Этот и другие материалы из архива учёного, которые мы теперь имеем возможность опубликовать, печатаются с разрешения сына, Эдуарда Ромэновича

Назирова, которому я приношу искреннюю благодарность от имени всех учеников Ромэна Гафановича.

Б. В. Орехов

В первой редакции («Арабески», 1835) о ростовщике даются несколько иные сведения, чем во второй («Современник», 1842).

Первая редакция говорит о портрете: «Лицо вообще сохраняло яркий отпечаток южной физиогномии». У ростовщика есть фамилия Петромихали. «Был ли он грек, или армянин, или молдован – этого никто не знал, но по крайней мере черты лица его были совершенно южные. Ходил он всегда в широком азиатском платье, был высокого роста, лицо его было тёмно-оливкового цвета, нависнувшие чёрные с проседью брови и такие же усы придавали ему несколько страшный вид».

Фамилия Петромихали здесь повторяется несколько раз. Мне удалось угадать, как её образовал Гоголь.

Гоголь очень внимательно следил за происходившей в годы его детства и юношества греческой войной (восстание Греции против султана и русско-турецкая война, связанная с этим). Видную роль в освободительной войне сыграли так называемые майноты (Майна – местность в Пелопоннесе), их было тогда тысяч 20. Майнотским беес был Петро Мавромихали, более известный под именем Петро-бей (род. в начале 60-х годов XVIII века – умер в 1848). Он спасся во время резни в Майне, вызванной восстанием 1770, в котором приняло участие и погибло несколько членов его рода. Мавромихали поступил на турецкую службу, получил титул бея и приобрёл на родине огромный, почти царский авторитет. В 1818 он стал членом Гетерии, в 1821 одним из первых открыто примкнул к восстанию; был членом пелопонесского сената, а затем всех национальных собраний. В 1823 был избран президентом временного правительства и принадлежал к «партии порядка». Через несколько месяцев перешёл на сторону Колокотрони и немало содействовал возбуждению тех междоусобных распрей, которые чуть не погубили дело восстания.

В 1827 г. Петро Мавромихали был членом триумvirата, управлявшего до прибытия Каподистрии и передавшего ему власть. Когда обнаружились централистические и бюрократические идеалы графа Каподистрии, грозившие Майне полным уничтожением дорогой для неё самостоятельности, Мавромихали разорвал с

Каподистрией. На Майне вспыхнуло восстание, в котором участвовали некоторые ближайшие родственники Петро Мавромихали.

Каподистрия замешал в это дело Петро-бея и посадил его в тюрьму. По ходатайству русского адмирала Рикорда он обещал старику свободу, если тот подаст письменное заявление о раскаянии, но Мавромихали отказался.

У него был сын Георг, участник восстания, отличившийся при защите Миссолонги. Среди уроженцев Майны тогда ещё господствовала кровная месть. Итак, мстя Каподистрии за заточение отца, Георг Мавромихали и его дядя Константин в 1831 году убили президента Греции Иоанна Каподистрию. Константина толпа растерзала на месте, а Георг скрылся в французском посольстве, но был выдан и приговорён военным судом к смертной казни.

Тем не менее, по смерти Каподистрии старый Петро Мавромихали был освобождён. Он был членом национального собрания 1832 года, а потом сената.

Дело это (убийство греческого президента и бывшего второго статс-секретаря по иностранным делам Российской империи Каподистрии) прогремело в 1831 году. Гоголь писал первую редакцию повести «Портрет» в 1833-1834 годах.

Он сделал из имени и фамилии Петро Мавромихали одно имя: Петромихали. Целью было придать греческую характерность своему ростовщику. Ибо в начале XIX столетия греческие нувориши из южных губерний России были заметнее всех в деловом мире России. В Санкт-Петербурге жил греческий капиталист Родоканаки, потом появился таганрогский откупщик Бенардаки. В Санкт-Петербурге Миллионная улица, застроенная великолепными особняками купцов и банкиров, называлась одно время Греческой улицей.

«В значительной мере под воздействием критики Белинского Гоголь перерабатывает повесть в 1841-1842 годах, во время пребывания в Риме» (Н. Л. Степанов).

Что же было между первой редакцией, опубликованной в 1835, и началом создания второй – 1841?

Летом 1839 на водах в Мариенбаде Гоголь познакомился с «русским» миллионером Бенардаки (хлебный спекулянт, заводчик, скупщик поместий разорившихся дворян, откупщик). Гоголь и Погодин, также лечившийся на водах, беседовали с Бенардаки о России, о помещичьем хозяйстве, о положении крестьян. Они даже прозвали откупщика «профессором политической экономии». Огромный практический опыт и трезвый ум «профессора» открывали перед Гоголем новый мир. Ясно, что он почувствовал уважение к этому греку. Многие черты Бенардаки послужили Гоголю при

создании образа Костанжогло во втором томе «Мёртвых душ». Кстати, фамилия Костанжогло произведена от Бостанжогло (нужно дополнительное расследование).

Поэтому из второй редакции «Портрета» Гоголь вычеркнул фамилию Петромихали. Более того – в первой редакции имеется в виду уроженец Российской империи («Лицо вообще сохраняло яркий отпечаток южной физиогномии. Смуглота, чёрные как смоль волосы с пробившеюся проседью – всё это не попадает у жителей северных губерний»), а во второй, канонической редакции – иностранец. «Он ходил в широком азиатском наряде; тёмная краска лица указывала на южное его происхождение, но какой именно был он нации: индеец, грек, персиянин, об этом никто не мог сказать наверно».

Если там: «грек или армянин или молдован» - т.е. русский подданный, то здесь: «индеец, грек, персиянин» - иностранец. В таком контексте и «грек» меняет своё значение: не из Одессы или Таганрога, а из Греции.

Степанов говорит: «Образ таинственного ростовщика, по-видимому, имел свой реальный прототип в лице ростовщика-индуса, практиковавшего главным образом среди актёров, которого описывает в своих записках П. Каратыгин? «бронзовое лицо его было татуировано разноцветными красками, чёрные зрачки его, как угли блистали на желтоватых белках с кровавыми прожилками...» (П. А. Каратыгин, Записки, Т. I, Л., 1929, стр. 264)».

Не будем спорить со Степановым, это возможно. Образ ростовщика в канонической редакции стал обобщённое, романтически-типичнее. Кстати, теперь он более богат и могуществен, чем в первой редакции.

Петромихали первой редакции конкретнее, это фигура, намекающая на засилье греческих капиталистов в Петербурге начала XIX века.

[Герои греческой освободительной войны упоминаются в «Мёртвых душах» (в основном на лубочных картинках).]

Можно написать заметку «Об одной детали творческой истории повести Гоголя “Портрет”». Надо для этого дополнить сведения о П. Мавромихали и просмотреть в академическом ПСС переписку Гоголя в 1831-1841 годах.

¹ Назиров Р. Г. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Рус. литература. — 1970. — № 2. — С. 114—121; Он же. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 1. — Л., 1974. — С. 202—219; Он же. К вопросу о прототипе Ставрогина // О традициях и новаторстве в литературе. Межвузовский научный сборник. — Вып. 4. — Уфа, 1976. — С. 128—137

² Назиров Р. Г. Сюжет «Ревизора» в историческом контексте // Бельские просторы. — 2005. — №3. — С. 110—117.